

Триллер ПОЗИТИВ-2

Человек, который смеётся

Ольга
Дерябина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Дерябина

**Позитив-2. Человек,
который смеётся**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дерябина О. С.

Позитив-2. Человек, который смеётся / О. С. Дерябина —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Странный мужик устраивает стрельбу в массовых местах. Свидетели утверждают, что он был на позитиве перед тем, как жать на курок. И после учиненных расстрелов останавливаться явно не собирается. Роман Корабельников, герой первого «Позитива», пытается разобраться, что заставило обычного работника взяться за оружие, и выяснить: можно ли повернуть ход событий. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Начало	5
Часть 2. Вторая очередь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть 1. Начало

Вечернее солнце, краснея, пряталось за вантовым мостом, отбрасывая тень от тросов и широкой автодороги на набережную.

Просторная лента из брусчатки тянулась вдоль реки, повторяя её изгибы. С левого края она резко брала вверх. Зелёный обрыв тянулся к элитным домам из красного кирпича. Словно средневековые крепости, они были огорожены высоким чугунным частоколом, через который у богатеев открывался панорамный вид. Частокол прерывался в нескольких местах, где были предусмотрены спуски от кафе и бизнес-центров.

Брусчатая набережная начиналась спуском у одной старинной церкви и заканчивалась подъемом к другой, не менее старинной. Оба храма держали в идеальном состоянии, чтобы они не портили общий облик.

С правого края искрилась река. Она была неширокая, мелкая, цвета густо заваренного чая. Для рыбаков и купающихся была куча запретов, что не мешало горожанам нырять с парапетов и ловить вредную, но – говорят – вкусную рыбу.

По брусчатке, мягко переступая с пятки на носок, шёл долговязый мужик. Он спустился у одной из церквей и направлялся в сторону другой. Ему можно было дать хорошо за сорок. Плохо подстриженные русые волосы беспорядочно торчали в разные стороны. Лицо нездорового землистого оттенка исполосовано морщинами. Жирный слой на лбу покрыла испарина. Глаза коньячного цвета слезились, со стороны висков то и дело возникали «гусиные лапки». За потрескавшимися бледными губами скрывались желтоватого оттенка зубы, природою расставленные по дёснам в шахматном порядке.

Серый или бежевый выгоревший плащ был покрыт нитками и катышками. Плащ был длинный, явно на несколько размеров больше, поэтому болтался на его худом теле как на вешалке. Несмотря на тёплую погоду, он был застёгнут на все пуговицы. Из худой шеи над грязным воротником торчал кадык. Над старыми кедами болотного оттенка мягкими складками нависали выдавшие виды голубые джинсы.

Мужик взял камушек и швырнул в коричневую воду. Камешек коснулся мерцающей от солнечных лучей поверхности, отскочил, пролетел ещё добрые полметра и уже нырнул окончательно. Бросивший его улыбнулся, словно только что наблюдал мастерски прыжок в воду в исполнении олимпийского чемпиона.

Затем он оглянулся. Вечерний променад обычной среды ещё только начинался. Июньский день катился к вечеру. Было тепло, солнечно и безветренно. Жара ожидалась через пару-тройку недель, а пока установилась комфортная погода.

Родители забирали детей из садов и от бабушек, вели подышать свежим воздухом – у грязной воды внизу и под оживленной дорогой вверх. Студенты и школьники, закончившие учёбу, но не уехавшие на каникулы, собирались группами, непременно атрибутами которых были велики, ролики, скейты и прочие колёса.

Он засмотрелся на худенькую девчонку лет шестнадцати. Из-под черной кепки тянулись прямые белокурые волосы. Худенькую фигурку под клетчатой рубашкой скрывала гитара. Ссутулившись над ней, девчонка перебирала струны, ища подходящий аккорд.

– Харэ мучить, она ж как кошка пищит, – пошутил пацан, рисующий рядом на роликах невидимые кренделя.

Он напоминал попугая. Тёмные волосы на макушке выкрашены в малиновый цвет. Пухловатое тело с фастфудным брюшком облачено в чёрную футболку с длинным рукавом с надписью «NEGODAY» на пузе и аляповатые штаны.

Компания подростков засмеялась.

– Правда, лучше спой что-нибудь, – попросила другая девчонка – с голубыми волосами и кольцом в носу, напомнив случайному прохожему деревенскую корову. Она была в лёгком сером кардигане и джинсах, драных на коленях.

Белокурая в чёрной кепке несколько раз ударила по струнам, словно требуя тишины, как делают учителя, стуча указкой, или выступающий, бренча вилкой по стакану, и тоненько запела. Случайный прохожий сумел расслышать лишь обрывки фраз, наложенные на странный мотив:

*– Когда меня не станет, мир будет другим.
Когда меня не станет, я продолжу жить -
В мыслях друзей, в глазах внуков и детей,
Я уйду в назначенный день, чтоб вернуться вновь...*

– Нюта, чё за депресс, – заканючил попугай. – Давай чё-нить позитивное.

Девушка в кепке снова несколько раз ударила по струнам, прижала их ладошкой, пару мгновений подумала и взяла новый аккорд, запев:

– Но если есть в кармане...

– ... пачка сигарет, – хором начали орать остальные, а попугай нелепо попытался станцевать на своих роликах. – Значит всё не так уж плохо на сегодняшний день...

Случайный прохожий снова улыбнулся. Песни его молодости, которые до хрипоты орали под заузанные, до просветов на плёнках, кассетах у молодёжи актуальны и сейчас.

Подростки пели Цоя и не обращали на долговязого мужика ни малейшего внимания.

Прохожий представил эту компанию в *других обстоятельствах*, которые диктовал бы он, и это взволновало. Он даже возбудился, получив дозу *позитива*. И, улыбаясь, продолжил путь.

Он шёл неспешно, впитывая искрящиеся, как блики на чайного цвета воде, эмоции: смех, улыбки людей, щебетание птиц, игривое подмигивание солнца через тросы и перила моста. Сколько продержится эта атмосфера безмятежного спокойствия?

Впереди показалась молодая семья. Мама в белой лёгкой кофте, обтягивающих джинсах и удобных мокасынах. Длинные светлые волосы она собрала в «конский» хвост. Отец – плотный малый в свободном джинсовом костюме. Перед родителями ехала дочка лет трёх на велосипеде.

Девочка без умолку говорила на своём детском языке, смешно шепелявя и заменяя буквы:

– Вот когда я выласту, я штану клащивой, как мама, и оцень умной, как папа, – разобрал долговязый в бесконечной тираде.

Он не выдержал и засмеялся в голос – как бы смеялся самый счастливый человек, готовый радоваться всему вокруг.

Оба родителя обернулись и уставились на него, не понимая, что вызвало бурный восторг. Не обращая на них внимание, незнакомец подошёл к девочке, своими клешнями подхватил её маленькое тельце и поднял вверх, над собой. В нём самом было почти два метра роста, плюс длинные руки. Методом простого арифметического сложения можно прикинуть: если б все происходило в квартире, то за секунду малышка оказалась под потолком.

Девочка восторженно засмеялась, вытянув ножки и ручки, как парашютист. Капелька слюны упала на щеку незнакомца. Тот ещё больше расхохотался, приняв её за ещё одну каплю позитива, который он так жадно впитывал этим вечером.

Молодые родители переглянулись. Жена приподняла оформленные в чёрный цвет брови и пожала плечами: мужик просто чудной. Он выглядел странно в своём длинном застёгнутом плаще. Но в целом добродушный дядька, может, сам уже дед.

Незнакомец опустил ребёнка вниз и усадил обратно в велик. Повернулся к родителям, улыбнулся, подмигнул, затем как солдат приставил вытянутые костлявые пальцы к виску и резко взмахнул рукой в прощальном жесте, который продолжился хлопком по маленькой ладошке девочки. После этого развернулся и продолжил мягким шагом свой путь.

Он успел отойти, когда услышал диалог за спиной.

– А пощему дяденька такой вещёлый? – спросила девочка.

– Видимо, в его жизни сейчас происходят хорошие события, – ответила мама. – Про таких людей обычно говорят: на позитиве.

Незнакомец снова расхохотался в голос.

... – Тебе не хватает позитива, – так год назад объяснила свой уход вторая жена – Нина.

С ней Геннадий Иванов прожил семь лет. Детей в семье так и не появилось, да и нормального счастья, как говорится, не ночевало. Они жили больше как соседи. Он – не выбирающийся из своей замкнутости, и она, мечтающая, чтобы у них было не хуже, чем у других. Чтобы были планы, бурные обсуждения, перспективы, новые покупки, поездки и прочие пунктики, из чего складывалась семейная жизнь. На все попытки растормошить муж равнодушно пожимал плечами, бубнил «как хочешь» и уходил в себя.

Нина ещё долго продержалась. Первая жена Галя сбежала от него через два года после знакомства, поняв бесперспективность отношений.

Положа руку на сердце, перспектив изначально не было: денег у него никогда не водилось, да и любви особой не наблюдалось. Из плюсов – своя старенькая «двушка», покладистый характер и тот факт, что мужик он непьющий. Из особых обстоятельств – возраст невесты.

К 30-ти годам Галка не успела обзавестись штампом в паспорте. Она не была толстой, уродиной или душой. Вполне симпатичная, но слишком робкая «серая мышка». Пока она ждала манны небесной в виде знакомства с достойным кавалером, приличных мужиков успели разобрать. И подружки, даже давние, все оказались пристроенными. Так что к юбилею Галка осталась в горьком одиночестве.

Она работала рядовым клерком в социальной конторе, рядом с которой располагалась управляющая компания «Сфера», где трудился Геннадий. Он был обычным сантехником. Малоразговорчивым, местами грубым, но в целом дело своё знал. Жалоб по крайней мере не поступало, а все заявки были выполнены в срок.

Геннадий тоже был одинок, однако, в отличие от Гали, он привык к своему замкнутому состоянию и – подозревала будущая жена – даже наслаждался им.

Они познакомились случайно, когда дамочка в простеньком пальто поскользнулась на весеннем гололёде, а оказавшийся рядом прохожий вовремя подхватил её под локоток. Дело было 7-го марта, когда город охватил дух праздника, а нарядные мужики носились с тюльпанами и конфетами. Геннадий предложил выпить по чашечке после работы, Галина не отказалась. На корпоративном поздравлении с девочками она хлопнула шампанского и, осмелев, взяла дело в свои руки.

В июне они поженились. Галка сама намекнула на официальный статус отношений, про себя решив, что какой-никакой, а мужик. Геннадий не отказался, решив испытать новый опыт.

К очередному 8 марта жена ушла. Потом удачно вышла замуж и родила троих детей. Гена не был расстроен, когда снова остался один. И также равнодушно отнёсся к переменам в жизни своей бывшей.

Вскоре появилась Нина. Она переехала в дом, который обслуживала управляющая компания «Сфера», став очередной клиенткой для Геннадия. Хозяйка сделала заявку, когда потекла раковина. И увидела в мастере свой шанс: мужчина высокий, не такой уж страшный, спокойный, не алкаш. Разведён, но без алиментов. К тому же руки растут откуда надо.

Он не стал сопротивляться против чашки чая и последующей череды событий, ведущих к свадьбе. Но, в отличие от Гали, он успел привыкнуть к Нине. К её уходу, её словам он уже не отнёсся так равнодушно. Последующий год он потратил на то, чтобы измениться.

И вот результат – ему 40 лет, он всё ещё привлекательный холостой мужчина, но уже полный позитива.

Геннадий продолжал идти по набережной. Растянутые губы замерли, обнажив жёлтые зубы в шахматном порядке. Прохожие бросали редкие недоумевающие взгляды. Так обычно смотрят на чудиков или пьяных. Он не пил, но предвкушение задуманного его пьянило сильнее, чем самый крепкий алкоголь.

Мягкие подошвы кед бесшумно касались брусчатки. Казалось, что с каждым его шагом солнце становилось краснее. Скоро будет совсем красно – подумал он, и эта мысль заставила его расхохотаться в голос. Несколько человек обернулись на смех, не понимая его причину. Ну куда ж им – они не достигли того дзена, когда чувствуешь себя абсолютно свободным и счастливым.

Он поднял руки, как у статуи Христа в Рио, и начал кружиться на месте, продолжая счастливо смеяться. Перед глазами мелькали краснеющее солнце, его вытянутая по брусчатке тень, недоумевающие взгляды, кривые ухмылки и вполне искренние улыбки на лицах окружающих.

«Дураки, вы ж ещё не знаете, чему радуетесь», – подумал он и засмеялся громче.

В заключение своей пантомимы он трижды вскинул руки вверх, затем сцепил в замок за спиной и плавно продолжил путь, словно был на катке в коньках. Свидетели его выплеска усмехнулись и вскоре забыли о странном дядьке, решив, что запоздало действует весна.

Молоденькая девушка покрутила указательным пальцем у виска и присвистнула, смотря на удаляющуюся фигуру в длинном плаще.

– Да ладно тебе, – щёлкнула жвачкой её подружка. – Все мы немного с приветом.

Брусчатка плавно поворачивала к гранитным ступенькам, которые изогнутой лентой устремлялись вверх, ко второй церкви.

По лестнице спускалась молодая женщина с коляской. В коляске сидел весёлый карапуз, улыбался во весь свой беззубый рот и указывал маленьким пальчиком на пролетающих птиц. Мама старалась как можно мягче спускать колёса, крепко вцепившись в ручку. Она сосредоточилась на спуске, который закрывал пышный подол платья, коляске и ребёнке в ней. Геннадий подскочил к ней через ступеньку, подхватил коляску на руки, словно это была его возлюбленная, с которой он танцевал на балу, покружил вокруг себя, вызвав восторг у ребёнка.

– Мужчина... Вы что... Осторожнее... – растерялась мать, хотя в душе была благодарна: хоть кто-то помог с её любимой ношей.

– Я только хочу спустить вашего ангелочка на землю, – и он, покачивая коляску на руках и наслаждаясь приливом смеха малыша, действительно спустил коляску вниз.

– Спасибо вам огромное, – искренне поблагодарила молодая женщина. – Побольше бы таких людей.

Он снова растянул рот, обнажив шахматные зубы, и поднял руки вверх: мол, вот оно – признание!

Приложив руку к груди, он поклонился перед женщиной, словно актёр на сцене, и вернулся на лестницу, которая огибала церковь.

Несколько прихожан любовались вечерним пейзажем, стоя у побеленного ограждения.

Поднимаясь к ним, Геннадий чувствовал, как растёт возбуждение. Ему одновременно хотелось оттянуть начало, чтобы в полной мере насладиться предвкушением, и в то же время не терпелось начать то, чего так долго ждал.

Он поднялся наверх и оглянулся. На этом участке параллельно набережной шла дорога. Движение здесь не было интенсивным, однако проезжая часть не пустовала.

У единственной «зебры» стояла сгорбленная старушка, тяжело опираясь на трость. Трость была явно не по росту, возможно, досталась от деда или другого родственника. Бабуля, наклонившись, держалась за ручку, как за поручень в трамвае, обнимая полированную палку. Она была очень старенькой. Голову покрывал бледно-серый с красными цветами платок. Под зелёной тёплой кофтой просматривалась сгорбленная спина и складки на теле. Длинное платье или юбка почти доходили до шерстяных носков, выглядывающих из-под калош.

Старушка стояла в нерешительности: сумеет ли перейти дорогу до появления очередной машины. Водители притормаживали перед «зеброй», но видя, что пешеход стоит, проезжали мимо.

Геннадий, мягко переступая кедами, неслышно подошёл к бабуле, наклонился к ней и спросил:

– Вам помочь?

Женщина вздрогнула и обернулась на голос:

– Уф, напугал-то. Чего крадёшься, етить колотить? – заворчала она.

Геннадий, продолжая улыбаться, поднял ладонь вверх, предлагая опереться на неё.

– Ну помоги, коль не шутишь, – ворчливо согласилась старушка. – Пока молода была – как бабочка порхала, – почувствовав опору, она сделала первый шаг. – А вот как получается: чем глубже старость, тем сильнее земля держит.

Потихоньку, шаг за шагом, она пересекала дорогу. По обе стороны «зебры» начались скапливаться машины. Однако ни один водитель не сигнализировал. Сидящие в транспорте уважительно кивали, кто-то решил снять видео для соцсетей «о благородных людях нашего города».

Старушка охала, волнуясь из-за того, что всех задерживает. Старалась быстрее переставлять ноги, от чего шаги делались меньше. Понимая это, она вздыхала ещё больше.

– Ничего, бабка, прорвёмся, – подбадривал помощник. – Мы ещё повоюем.

– С кем хоть воевать-то, милоч? – тяжело дыша, спросила старушка. – Слава небесам, в мирное время живём.

– Был бы повод, старая, – ответил он добродушно. – Был бы повод.

Наконец, двухполоска была преодолена. Автомобилисты мягко тронулись со своих мест, на прощание одобрительно сигналив долговязому мужику.

Бабка пока не отпускала руку помощника, пытаясь отдышаться.

– Ох, спасибо, милоч, – поблагодарила она. – Дай Бог тебе всего в твоих делах.

Губы Геннадия вновь растянулись в улыбке:

– Твоими б, бабка, устами...

Женщина ещё минутку постояла, пока дыхание не восстановилось:

– Дальше я как-нибудь сама. Ты ж, наверное, по делам шёл, опаздываешь.
– Опаздываю, – согласился он и убрал руку. – Ну, бывай бабка!
Та только кивнула.

Геннадий развернулся обратно к «зебре», к которой подъезжал отполированный красный кабриолет с бухающими звуками рэпа. Из-за руля и чёрных очков он не смог разглядеть, сколько лет водителю. Надменная девка рядом едва закончила школу. Она интенсивно работала челюстями, разминая жвачку в полости рта.

Геннадий широко улыбнулся, сделал поклон и взмахнул руками вправо, показывая, что попускает такой шикарный автомобиль – а иначе как выразить чрезмерное уважение и восторг.

Автомобиль, правда, и не думал останавливаться. Худющий пацан, задравший подбородок, чтобы лучше было видно дорогу, даже не обернулся. Девка скосила на пешехода снисходительный взгляд. Когда машина проезжала мимо, Геннадий услышал её голос в рэпной паузе:
– Клоун! – и щелчок жвачки.

Улыбка сползла с лица. Через прищур он наблюдал, как отполированный автомобиль удалялся. И вспомнил другую девчушку – в кепке и с гитарой.

«Когда меня не станет, я продолжу жить», – он попытался угадать набор нот странной мелодии, какую она пела. С первой попытки это не получилось, и он попробовал вновь.

Песня не складывалась, а значит уже никогда не сложится. Девчушка в кепке – не королева хайпа, чьи песни звучат из каждого утюга. И от этой мысли сделалось грустно.

Но он быстро отбросил этот негатив. Сегодня он на позитиве! Сегодня его день!

Тогда чего тянуть? Промедление смерти подобно! Он снова захохотал, как лучшей шутке за сегодняшний день, чем в очередной раз привлёк внимание окружающих.

Улыбнувшись в ответ на оказанное внимание, он перебежал через дорогу, свернул к белому забору, из-за которого возвышались купола. У ограждения сидели два бичеватых мужичка с перевёрнутыми кепками на асфальте. Не останавливаясь, Геннадий бросил им по монете, ловко попав в классическую тару для милостыни, и остановился перед воротами, ведущими на церковную территорию.

Ворота были в форме высокой арки. Белая известка, казалось, едва успела высохнуть. Коричневая деревянная калитка была открыта для всех желающих.

Геннадий остановился, чтобы перевести дыхание – долбанные годы! – и запомнить этот момент «до». До того, как он начнёт своё *веселье*.

Двор при церкви был просторный, выложен брусчаткой благородного серо-зелёного оттенка. В вечерний час здесь было человек тридцать как минимум – и это только те, кто был в поле его зрения.

У стены слева были расставлены скамейки. Сейчас их занимали старушки, церковные работницы в чёрных нарядах и молодые мамы, которые привели детей на прогулку. Дети, что удивительно, не капризничали, вели себя тихо, как и все вокруг. Даже самые маленькие не вопили истошно. Фантастика!

С противоположной от калитки стороны находилась смотровая площадка с видом на набережную, где оставались прихожане. Вдоль ограждения другие мамочки катали коляски с младенцами. Странное место они выбрали для прогулок, подумал Геннадий. Хотя, судя по поведению, это для них привычный променад.

Белый цвет церкви окрасил закат. Вытянутые витражи ловили последние лучи солнца. Над зелёной крышей вверх тянулись позолоченные купола. Под одним из них колокольня просачивала вечернее небо. Храм располагался чуть правее, ближе к другим постройкам, на одной из которых была крупная табличка «церковная лавка».

Двери в церковь были открыты, до ворот доносилось пение и голос батюшки. Геннадий когда-то сюда приходил, в той, в другой – *негативной* жизни.

Он помнил прохладное помещение в полумраке – печальные лики святых, позолоту икон, в которых отражалось пляшущее пламя свечей. Людей, которые бесконечно крестились и кланялись. Он закрыл глаза, сосредоточившись на доносящихся звуках, и попытался воссоздать картину. Он, казалось, почувствовал особый запах церковного масла, молитвы, пронизанные мольбой и надеждой.

Он ничего не имел против этих людей, хотя бы потому, что раньше их не знал и уже не узнает.

Он ничего не имел против самой церкви.

Но это было то место, где удар будет наиболее болезненным. Погибнут люди, которые пришли за верой и надеждой. По ним будут убиваться безутешные родные, проклиная судьбу и перебирая в памяти этот день, мысленно пытаясь изменить события, чтобы вечер закончился не под куполами.

Геннадий сощурился, чтобы лучше рассмотреть старые и молодые лица, олицетворяющие благодатное спокойствие. Им будет представлено почётное право открывать *его тропицу*. Каждое из лиц он мысленно очертил чёрной рамкой, представляя некролог в завтрашней прессе.

Геннадий последний раз глубоко вздохнул и шумно выдохнул, заканчивая момент «до» и открывая представление. Он сдёрнул растянутые от времени петли с больших круглых пуговиц, сделал последний шаг, ступив на брусчатку. Вспомнил *позитивного* героя Николаса Кейджа из фильма «Без лица» и, поднимая руки вверх, заорал:

– Ааа-ллилуйя, ааа-ллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!..

Десятки глаз с явным неодобрением уставились на нарушителя спокойствия. От скамейки слева отделилась фигура в монашеском наряде и засеменила к выходу, взмахами рук призывая прекратить орать. Прекращать он не собирался. Словно дирижируя оркестром, он продолжал:

– Ааа-ллилуйя, аааа-ллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

Ещё две церковные работницы заторопились к выходу, чтобы усмирить хулигана. Им на помощь спешили мужички, стоявшие у смотровой площадки. У мамашек сработал инстинкт. Схватив детей, они спешно переместились подальше.

Геннадий продолжал орать, дожидаясь, когда первые жертвы подойдут поближе.

– Ты что шумишь, окаянный! – погрозила пальцем старенькая монашка, которая первая отреагировала на странного прихожанина. – Если безобразничать пришёл, то иди подобру-поздорову.

– Аллилуйя, аллилуйя! – Геннадий орал, войдя в раж.

– Вроде б взрослый человек, должен понимать, куда пришёл, – продолжала ворчать монашка, приближаясь к нему.

– Я понимаю – куда и зачем, – Геннадий откинул полу широченного плаща и крутанул автомат, подвешенный на ремне на плече. Вдалеке послышалось первый визг. Он снова заорал «Аллилуйя» и нажал на курок, пустив автоматную очередь по монашке, догоняющим её помощникам, по вскочившим со скамейки.

Попавшие под пули люди вскрикивали и падали как подкошенные, напоминая фигурки в тире. Он подошёл к монашке. На её мёртвом лице сохранились испуг и недоумение. Словно она не понимала, как могла умереть на отмоленной земле, под защитой у Него.

Поодаль послышались стоны. Геннадий не хотел разбираться, кто остался жив, и пустил очередь по всем, намертво прибивая их к земле.

Те, кто оказался у смотровой площадки, успели спрятаться за белокаменной церковью. Но он и не собирался их догонять.

Продолжая орать «Аллилуйя», Геннадий направился в церковь, где уже началась суматоха. Он чувствовал, как бились их сердца, как собранные пальцы правой руки ходят крестом. Как губы шепчут молитвы и просят отпустить грехи. Как ладони зажимают губы, чтобы дыханием не выдать своё местонахождение. Как родители закрывают своими телами детей. Как ищут укромные места и крепкие преграды. Он чувствовал всё: страх, отчаяние, отрицание, горечь, желание жить, надежду на чудо.

На ходу он перезарядил оружие, передёрнул затвор и зашёл внутрь. В полумраке у икон горели свечи. Пламя металось из стороны в сторону, словно в такт его соло, вверх направлялся чёрный дым.

Воздух был пронизан ужасом. Шёпот поднимался к сводам, и эхо повторяло сказанное:

– Господи, спаси и сохрани...

– Не дай погибнуть...

– Что происходит?...

– Кому нужно стрелять?...

– Помилуй...

– Теракт...

Геннадий захохотал, разобрав последнее слово. Безумный смех эхом вновь и вновь проносился по пространству, нагоняя ещё больший ужас. За колонной кто-то упал – потеряв сознание или сразу – жизнь. Сердце не смогло выдержать его присутствия. Это здорово развеселило, и он рассмеялся громче.

Из-за одной из колонн вышел священник. Он поднял руки вверх, демонстрируя безоружность. Хотя какое здесь может быть оружие!

– Послушайте... – начал он, но Геннадий не собирался тратить на пустую болтовню.

Заорав «Аллилуйя», он выстрелил в церковного служащего. Тот спокойно принял свою смерть, и это было странно. Убитый был явно моложе стрелка, когда цепляешься за жизнь на уровне инстинкта. Ему что, *тоже жить надоело*?

Помещение наполнял визг и плач, вытеснив отголоски смеха у небосвода. Чтобы прекратить эту какофонию, Геннадий снова заорал и побежал вперёд, стреляя по очереди вправо и влево. Память фиксировала искаженные от страха и боли лица – в основном женские. В глазах застывало неверие, что это конец.

Он стрелял до тех пор, пока не закончились патроны. Когда это выстрелов стало стихать, с улицы послышались сирены.

Геннадий оглянулся по сторонам: замершие тела, которые обводили бордовые лужи. Расстрелянный алтарь и осуждение в глазах уцелевших ликов. Разбросанные свечи, некоторые из которых продолжали гореть. Тяжёлые стоны выживших, обрывки молитв сумевших избежать страшной участи.

Сирены на улице сливались в оркестр. Геннадий был готов к такому повороту. Оглянувшись и в последний раз посмотрев на результат своего первого прихода, он направился к запасному выходу.

Пока силовики бежали с одной стороны, он уже оказался на улице. Быстро преодолел расстояние до смотровой площадки, перемахнул через забор. Пригнулся, хотя с учётом его роста это было неудобно, и вдоль ограждения добрался до противоположного от лестницы спуска края. С набережной видели мужской силуэт, который быстро пропал в дебрях за благоустроенной зоной отдыха. Молитвами или проклятиями он смог безнаказанно уйти и вернуться домой.

Геннадий открыл глаза. Солнце всю уже слепило. Он выставил перед собой худую ладонь и сощурился, будто это могло спасти от пробивающегося в окна солнца.

После второго развода он остался в своей «двушке», расположенной чётко посередине дома: в третьем подъезде из пяти на третьем этаже стандартной пятиэтажки. Дом располагался в глубине старого, застроенного такими же хрущёвками, районе. Окна его выходили на школьный двор, где с раннего утра до позднего вечера кипела жизнь.

В квартире всё оставалось как при Нине, которая все эти годы старалась улучшить их быт, насколько позволяли финансы.

Квартира была небольшой. Спальня располагалась в вытянутой комнатке с кладовкой напротив окна, где бывшая сделала гардеробную. Зачем семье, которой особо нечего развешивать по плечикам и расставлять под ними, отдельная гардеробная, он не понимал. Главное, что в пафосно названном углу нашлось место для его инструментов и робы.

Спальня была обклеена «жуткими розочками» на шелкографии. Геннадию было всё равно, под каким рисунком спать. А раз жене были приятны такие обои, он не стал сопротивляться. Правда, пожалел об этом, когда занялся поклежкой: на бригаду денег, конечно, не было.

Металлическая кровать была не такая широкая, но через неё проблематично пробираться к гардеробной. На прикроватной тумбочке со стороны Нины до сих пор громоздился светильник с цветастым абажуром. Со стороны Гены лампу убрали, после того, как он своими длинными ручищами несколько раз смахнул её во сне.

У окна стояло небольшое трюмо. Когда-то место под зеркалом было заставлено всякими женскими бутылками и коробочками. А сейчас здесь месяцами собиралась пыль.

На круглых пластиковых гардинах висел пожелтевший тюль с кружевами, из которых тянулись нитки, и шторы чуть темнее «жутких розочек».

Вход в спальню был из зала, где царил минимализм. Здесь Нина выбрала полосатые бело-синие обои, синие шторы, дутый диван и кресло, на которые были накинuty синие покрывала. Мягкая мебель была направлена к телевизору – небольшому, но с плоским экраном. Овальный ковёр под ногами за этот год потерял свой оттенок под грязью и пылью.

Кухонька была небольшой. Из мебели вошло несколько шкафов. После белого стандарта советских времён Нине казалось тогда эффектным сочетание жёлтого и зелёного цветов. Гена опять же не возражал.

В вытянутую прихожую вошла только вешалка и большое зеркало, в которое можно было посмотреть на себя в полный рост.

Накануне вечером Геннадий долго смотрел на себя в это самое зеркало. До дома он добрался как в тумане, но помнил, что, глядя в отражение, пытался определить, как изменился. Он изменился, стал другим, и это бесспорно. Но только из зеркала на него по-прежнему смотрел уставший несчастный человек. И бесполезно было изображать позитив.

Полночи он пялился в потолок, пока не наступила крошечная тьма. Сейчас он лежал на кровати, уставившись в «жуткие розочки» и вспоминал прошлую жизнь. Как всё-таки хорошо было тогда, и как опустевше сейчас.

Ему хотелось думать об этом снова и снова, чтобы оттянуть момент подъема, но уже по другой причине. В душе ему нравилось предвкушение своей славы.

Он знал, что о вчерашнем сообщали по всем новостям, может, даже федеральным. О нём узнавали, о нём говорили. А когда станет известно его имя, начнут перебирать каждый клочок его никчёмной жизни, пытаясь дойти до истоков его *позитива* и разобраться во всём. А ведь ещё до вчерашнего вечера он был слишком неинтересен вместе со своим внутренним миром тысячам людей, которые жили, работали, отдыхали совсем рядом.

Наконец он заставил себя встать, умыться и почистить зубы старой колючей щёткой. Потом прошёл по скрипучему полу на кухню.

За столом показались силуэты. Их он готов был узнать их сквозь десятилетия – своих родителей.

Видение было так неожиданно, что Гена встал и начал часто моргать. Появилось ощущение нереальности: когда ты видишь сон или просто пьян, сознание рисует тебе причудливые образы.

Пил Геннадий редко. Во-первых, денег вечно не хватало. Во-вторых, боялся скатиться и пойти по стопам отца. Впрочем, чего уж греха таить – обоих родителей. Он посмотрел на обеденный стол, покрытый грязной скатертью, и на секунду ему снова показались их опухшие лица, грязные волосы, руки, держащие рюмки. От наваждения по коже пробежали мурашки.

Он сел напротив того места, где секунду назад был призрак отца, и посмотрел в пустоту, надеясь, что видение вернётся. Зачем? Что бы он сделал? Показал, каким он стал неудачником, как они и предсказывали? Даже мать! Хотя инстинкт обычно направлен на защиту своего ребёнка. Ведь молчать – это то же самое, что позволить обидеть. А подначивать деспота – такого врагу не пожелаешь. Но это происходило. Постоянно. Каждый день.

Геннадий поймал себя на том, что вытирает слезы. Не все слезы обиды вытекли, даже спустя столько лет. Нет, нет, нет! Он не должен раскисать. Ведь он изменился, стал другим – *позитивным*.

Он треснул кулаком по столу, словно запрещая являться давно умершим. Где-то по соседству затыкала собака.

– Сука, – разозлился он от противного лая.

Захлопнув дверь на кухню, будто это спасло от воспоминаний и заткнуло бы псину, он сел на диван и уставился на закрытую дверь. За ней что-то упало, псина затыкала сильнее, но быстро заткнулась, видать, вмешался хозяин.

«Призраков бояться – позитивным не ходить», – пробубнил он и направился на кухню во второй раз. Сейчас здесь всё было как прежде: одиноко, забыто, заброшено.

Гена сел завтракать. Завтрак был скудный и безвкусный. Заваренный пакетик чая напоминал замоченное сено. Горбушка чёрного хлеба засохла, лишившись остатков аромата.

Только когда утренние приготовления были закончены, он включил телевизор. Как он и предполагал, по всем каналам показывали вчерашние кадры из церкви с прикрытыми квадратами телами и жутким фотороботом.

В чёрно-белом рисунке он попытался узнать себя, но не получалось. Отдельно взятые элементы – овал лица, причёска, глаза, нос, рот – вроде походили, если бы не искажённая от боли гримаса. Неужели его видят таким? Или он действительно был таким в тот момент, когда жал на курок, чувствуя отдачу оружия и покидающие души тела? Если честно, он ждал больших ощущений, но внутри пока была пустота. Наверное, эйфория придёт позже, когда все три этапа будут закончены. А пока ему приходится держать организм в тонусе. Так он решил про себя.

Гена прислушался к тому, что говорили по телевизору. Комментировал кадры мужской голос с жёсткими нотками, обладатель которого периодически появлялся в кадре. Молодой симпатичный журналист с аккуратной стрижкой, серьёзным лицом профессионала и подтянутой фигурой. В титрах было указано: Максим Астафьев, служба срочный новостей.

– Ха! Срочных новостей! – усмехнулся Геннадий и стал смотреть репортаж.

– ...11 человек погибли, 23 человека получили ранения. Из них 15 человек находится в больнице, остальные проходят лечение на дому. Из госпитализированных у троих состояние оценивается как тяжёлое, врачи не дают прогнозов.

Теперь камера была нацелена на немолодую женщину. Крашенные белые волосы уложены в аккуратную причёску. Очки закрывали глаза. Над дрожащим, как желе, подбородком подёргивались губы, выкрашенные в розовую помаду. На округлые плечи накинута белая халат.

В титрах появилось имя и должность. Говорившая, оказывается, была главной по здравоохранению в регионе.

– *Специалисты областной больницы оказывают всю необходимую медицинскую помощь, – комментировала Элла Завьялова. – Угрозы для жизни пострадавших нет. В стационаре сейчас находятся 15 человек, двоих могут выписать в ближайшие сутки. Троицким пострадавшим, получившим серьёзные травмы, оказывается особое внимание. С родственниками погибших и с самими пострадавшими работают психологи.*

Журналист продолжил рапортовать:

– *Среди погибших шестеро работников церкви, в том числе отец Алексей Мотылёв. У 32-летнего священнослужителя непростая судьба. Меньше месяца назад у него умерла жена от тяжёлого заболевания, ей было всего 27 лет. Муж очень тяжело переживал утрату, прихожане старались поддержать его в этот трудный период. По словам очевидцев, отец Алексей пытался что-то сказать стрелку, вразумить. Однако преступник хладнокровно застрелил его после первого же слова...*

Так вот почему он так спокойно воспринял свою смерть, подумал Геннадий, смотря на фото убитого им священника, которое заняло весь экран. Он принял её как облегчение от всех страданий. Может, и мне стоило поступить также? Дуло в рот и мозгов последний полёт? Он почесал жёсткую редкую щетину на подбородке. Ну уж нет. Он не хотел уходить как рядовой суицидник, о котором забудут на третий день новостей или после дележа его квартиры. Поминать – так с музыкой, – он улыбнулся, обнажив кривые зубы.

– *...По описанию свидетелей составлен фоторобот. Подозреваемый – высокий худой мужчина, который выглядит старше сорока лет. Был одет в старый балахонистый плащ, под которым он прятал оружие. Камеры на набережной зафиксировали путь его передвижения. Очевидцы рассказывают, что убийца очень радовался.*

В кадре появилась тревожная блондинка с «конским» хвостом. На руках она держала девочку, отвернув её лицо от камер:

– *Он смеялся всему и был такой счастливый. Мы, конечно, не понимали причины такой радости. Думали, что-то хорошее произошло у человека...*

– *Позитивного дядьку видели и другие горожане, – продолжил журналист. – Впрочем, и выжившие в бойне как один утверждают, что убийца был в ударе.*

На экране появились нечёткие кадры с камер видеонаблюдения, установленных на набережной. Качество изображения позволяло лишь определить силуэт. Вот он остановился, вот он засмеялся, вот поднял руки... Лица на записи не было видно!

– Вот чёрт! – выругался Геннадий и от злости рванул руку вперёд, услышав треск. Наклонившись поближе к экрану, он ухватился большим пальцем о лямку майки, и выношенная ткань не выдержала напора. – Вот чёрт, – выругался Геннадий второй раз. Это была последняя более-менее целая майка. Хотя хрен с ней, скоро она будет не нужна.

Затем в телевизоре появились другие кадры – с дороги. Из-за листвы и машин были видны две сгорбленные фигуры, медленно пересекающие проезжую часть.

– *Кроме того, перед бойней подозреваемый перевёл через дорогу старушку. По крайней мере помогающий пожилой женщине мужчина походит по описанию, – прокомментировал журналист.*

Камера снова переключилась на его серьёзное лицо:

– *Следственный комитет возбудил уголовное дело по статье 105 – «убийство». Однако её могут переквалифицировать в ходе расследования, в частности, на «теракт». На данный момент выясняются все обстоятельства трагедии.*

Экран опять занял жуткий фоторобот с искажённой гримасой и номерами телефонов под ними.

– Если вам что-либо известно о подозреваемом и его местонахождении, – журналист продолжал репортаж за кадром, – срочно позвоните по указанным номерам или обратитесь в ближайшее отделение полиции.

Геннадий пощёлкал по другим каналам, где говорили о показывали примерно то же самое. Прикрытые квадратиками тела в церкви и при церковном дворе, его на набережной, фоторобот с теми же номерами телефонов. Что ж, он внёс краски во вчерашний день, пора было поработать над сегодняшним.

Он выключил телевизор и вернулся на кухню. Смёл рукой крошки со стола, посмотрел на подсохший пакетик чая, содержимое которого действительно напоминало измельчённое сено. Подумал: выбросить его или оставить заварить во второй раз. Покрутил в воздухе перед глазами, дотянулся до него носом и решил оставить.

Бросив пакетик на стол, он сполоснул потрескавшуюся чашку и пошёл собираться. Душа требовала продолжения банкета!

Часть 2. Вторая очередь

Когда с утренним моционом и новостями было покончено, Гена пошёл собираться на *второй день*.

Вещи были небрежно брошены в прихожей. Старая футболка пропахла потом и до сих пор не просохла. На джинсах он обнаружил пару бордовых пятен, как напоминание о прошедшем. Только ружьё было аккуратно повешено на вешалку. Он провёл пальцами по холодному стволу, закрыл глаза и снова вспомнил вчерашние кадры. Он жмёт на курок, люди падают, как мишеньки в тире. И чёртова пустота внутри. Впрочем, сложно пробывшему долгое время пустому сосуду так быстро наполниться хоть какими-то эмоциями.

Собравшись, Геннадий присел на подлокотник кресла – «на дорожку». Он не знал, как закончится этот день. Может, его уже вычислили, и он получит пулю в лоб, когда выйдет из подъезда. Или это произойдёт во время *второго акта*. Что он оставит после себя?

Геннадий снова вспомнил песню, которую пела девчушка на набережной: «*Когда меня не станет, мир будет другим*».

Из-за него этот мир уже стал другим, и после его смерти он тоже изменится.

Он подумал: может, оставить записку? Или написать завещание, чтобы квартиру передали Нине. Да, она подлю бросила его. Однако не загуляла, замуж не выскочила. Живёт тихонько с мамой. Значит, он для неё что-то да значил, несмотря на второй – разводной – штамп в паспорте. Кстати, в том же самом паспорте: при замужестве она взяла его фамилию и оставила её после развода. С другой стороны, как ни крути, Нина была единственной оставившей след в его душе, к кому он был хоть как-то привязан.

Он оглянулся в поисках бумаги, понимая, что это лишняя трата времени. Откуда ей взяться? Максимум старые пожелтевшие газеты с программкой, которые вряд ли воспримут всерьёз.

Потом его осенило. Геннадий прошёл в спальню, в гардеробную, где пылилась его роба и инструменты. Достал чёрный рабочий фломастер и вернулся в прихожую. На обоях размашистыми буквами он написал: «После моей смерти квартиру наследует Нина Иванова».

Бросив фломастер в угол, он резко вышел из квартиры, закрыв её на один хиленький замок, который легко вылетит, стоит посильнее подуть.

Он вышел из подъезда, во дворе не было машин с сиренами и вооружённых людей. Царило обычное спокойствие, нарушаемое детскими отголосками со стороны школы.

– ...Одиннадцать человек положил, убивец, – старушки – соседки привычно обсуждали последние новости. – Говорят, что-то кричал. По телевизору говорили, что именно, но вспомнить не смогу.

– И как таких земля носит? – вздохнула вторая.

– Здравствуй, Гена, – увидела соседа третья – бабка Шура.

– Здравствуйте, – он довольно улыбнулся, думая о том, что всё идёт по его плану: скоро о нём будут говорить на каждой скамейке.

– Прогуляться пошёл? – спросила она.

– Можно и так сказать, – Гена обнажил жёлтые зубы.

– Осторожней там, – предостерегла старушка. – Говорят, маньяк завёлся. Ходит и стреляет направо и налево. А пуля – сам знаешь, что дура.

Геннадий расхохотался, начиная впитывать в себя позитив нового дня.

– Я буду осторожен, баб Шура, не сомневайтесь.

Три старушки уставились на него, не понимая, чего вдруг развеселился вечно смурной Генка. Но он этого не видел. Мягко переступая кедами, на подошве которых остались бордовые пятна, он направился в соседний район.

Прятаться он не собирался: ведь лучшая маскировка – быть на виду. Поэтому он спокойно шёл вдоль оживленной дороги, насвистывая «Жёлтые ботинки» группы «Браво», которую любил в молодости. Мимо проезжали машины, проходили люди, но ни один не остановился, не ткнул пальцем и не закричал: «Это он! Держите мерзавца!»

Возможно, возникали сомнения при виде долговязого мужика в длинном застегнутом плаще. Но кто подумает плохое на спокойно шагающего человека? Преступник скорее будет прятаться по кустам, скрываясь от людей и правосудия. Эта мысль здорово развеселила его, и он захохотал в голос.

Он шёл к здоровенному торгово-развлекательному центру «Космос», который построили здесь год назад. По телевизору говорили, что он один из самых крупных аж в федеральном округе. Издалека Геннадию он напоминал муравейник, внутри которого хаотично суетятся люди.

Массивное трехэтажное здание было вытянуто в стороны, напоминая приплюснутую подарочную коробку. Часть стекла и хрома закрывали бесконечные вывески находящихся внутри арендаторов. «Киты» занимали почётные центральные места. Над первым этажом пестрела лента табличек-визиток всех остальных.

У комплекса было несколько входов и выходов. Крутящиеся стеклянные двери не оставались, заглывая желающих пошопиться и развлечься и выплевывая тех, кто уже это сделал.

Геннадий, шагая по расчерченной парковке, в такт круговым оборотам дверей изобразил чавкающие звуки и захохотал, задрав голову. Краем зрения он выхватил голубой мини-купер и движение за лобовым стеклом. За рулём сидела красивая женщина с тёмными волосами и в чём-то белом. Она взяла сумку с соседнего сиденья и потянулась к ручке. Геннадий на цыпочках, изображая мультяшную походку, подскочил к дверке и аккуратно открыл её с этой стороны, галантно протянув руку.

Женщина замерла, настороженно восприняв выпад незнакомца. Может, это бомж, который прилипнет, прося денег. Может, это грабитель. Может, угонщик или мошенник. В последние годы хоть новости не включай – сколько преступников развелось, и схемы одна другой хитрее.

– Смелее, прекрасная дама, – Геннадий улыбнулся и почти дотронулся её плеча. – Я лишь помогу вам изящно выйти из вашего автомобиля и тут же удалюсь, чтобы не докучать своим присутствием.

Автолюбительница слегка расслабилась. Но всё же крепко схватилась за ключи и сумочку, второй рукой опёрлась о ладонь обходительного мужчины. Он, как и пообещал, галантно поклонился на прощание и продолжил свой путь.

Женщина пожала плечами: вот уж чудак-добряк! Или её снимает скрытая камера для какой-нибудь телепрограммы? Она оглянулась, но ничего подозрительного не заметила, закрыла машину и вскоре забыла об инциденте.

Подходя к торговому комплексу, Геннадий не видел столпотворения охраны. Вообще никакой охраны! Поэтому не торопясь направился к центральному входу.

Футболка, которая впитала вчерашний *позитив*, снова была мокрой. Геннадий чувствовал, как пот стекает по спине, как капли подхватывает хлопчатобумажная ткань и делится влагой с наглухо застегнутым плащом.

Ладони намокли от жары и предвкушения. Раньше они были мокрыми от волнения и страха. Но сейчас всё изменилось! Он стал другим! От этой мысли он захохотал, вскинув голову (а это становится привычкой) и глазами наткнулся на камеру. Геннадий остановился, растянув рот в улыбке, чтобы с телеэкранов убрали этот чёртов фоторобот, заменив более пристойным снимком. Затем сделал реверанс и направился к вращающему кругу.

Внутри здания работали кондиционеры. Покрывший тело пот превратился в прохладную влагу, от которой пробежали приятные мурашки. Широкий коридор со стеклянными стенами по бокам, за которыми располагались магазины, вёл к фонтану. Он был в форме цветка, по лепесткам и листьям которого спускалась вода. По круглому периметру был аквариум с живыми рыбками. Третий круг занимали скамейки с отдыхающими под мерное журчание.

Круг проходил через всё здание вверх атриумом, через цветные стёкла которого проникал солнечный свет. Снаружи стеклянные выпуклости напоминали приземлившиеся на крыше планеты.

На втором и третьем этажах из-за прозрачных ограждений балконов выглядывали головы празднично отдыхающих. Большую часть круга на втором этаже опоясывали столики фудкорта, за которыми неспешно завтракали или обедали.

Геннадий обернулся, изучая публику. Несмотря на будний день, просторные помещения ТРЦ не пустовали.

Скамейки у фонтана заняла молодёжь. На одну из них пытались втиснуться человек семь. Пацаны и девчонки лет 18-19-ти постоянно хохотали, бегали вокруг сидящих друзей, падали на них, замирали в странных позах.

Напротив шумной компании у дерева в горшке уединилась парочка. Девушка закинула худенькие ножки в мягких кроссовках на колени парня. Тот одной рукой гладил её остренькие коленки, другой прижимал за талию. Они целовались, ни на кого не обращая внимания. Казалось, ничто и никогда не заставит их оторваться друг от друга.

Родители и молодежавые бабушки гордо вели детей к местам развлечений, демонстрируя, какие они благополучные, сознательные, заботливые. А после зоопарков, кино, батуты чинно шли в зону фудкорта, где пичкали детей пищей, пирожными, фастфудом, газировкой. Разумеется, всё это оставалось в истории в виде фото и видео, которыми должны были восхищаться френды в соцсетях.

Гену чуть не вывернуло при виде очередной самодовольной бабы. Она снисходительно поглядывала на окружающих через пухлые щёки, ведя нарядных детей, и громко цокала, привлекая к себе внимание. Всем своим поведением она показывала: как надо жить.

От фонтана вели две торговые улицы, как мысленно окрестил их Геннадий, под углом друг к другу. По главной шли две подружки, похожие на модели. Обе девушки высокие, с неестественно ровными длинными волосами, чётко очерченными бровями, глазами, губами. На обеих были коротенькие облегающие платья, подчёркивающие стройные фигуры. Они шли как по подиуму, в унисон стуча шпильками, держа в каждой руке связки пакетов с названиями известных брендов.

Следом за ними шла располневшая женщина в лёгкой кофте и джинсах, в которых она казалась ещё толще. Она также завороченно смотрела на модельные фигуры подруг, стараясь не отсвечивать, не попадать в случайное сравнение с красотками. Женщина вертела головой с щедрой сединой, заглядывала в старый пакет, куда сложила немногочисленные покупки, смотрела на часы, проверяла телефон и снова пялилась на ухоженных от макушек до набоек туфель подруг.

Мужиков почти не было. Двое молодых мужчин скорее всего приходили пообедать.

С другой стороны семьянин лет под сорок тащил пакеты, набитые в гипермаркете. Жена, держа сумочку, словно её могли выхватить, критично оглядывала магазины по пути, словно решая: куда бы ещё заглянуть.

Охранники в белых рубашках и чёрных брюках лениво смотрели за происходящим на этажах, останавливая взгляды на хорошеньких девчонках и эффектных дамочках – их лицах, ножках и пятых точках. Один из них нахмурился, глядя на странного мужика в плаще, но потом равнодушно отвёл взгляд, видимо, решив, что он всё же не бич.

– Непростительная ошибка для человека, который не смотрит выпуски новостей, – едва слышно пробубнил Геннадий, сморщив складку между бровей и растянув губы в улыбке.

Он направился в сторону эскалатора – мимо шумной компании у фонтана, магазинов за стеклянными перегородками, продолжения торгового ряда.

Ограждение эскалатора притягивало большими красными буквами – «Отрывайся!». По краям призыва были фото прыгающих на батутах детей. Позитив переполнял прыгунов. Они счастливо замирали, оказавшись в воздухе. Замирали навечно – ведь выражения их лиц оставались в кадре неизменным, пока этот кадр существует и его не захотят кардинально изменить с помощью графических программ.

– От-ры-вай-ся! – вслух по слогам прочитал он и улыбнулся, обнажив жёлтые зубы. – Мне нравится!

Мягкими подошвами старых кед он ступил на нижнюю ступеньку, которая легко стала подниматься вверх, не чувствуя тяжести его веса. Проплывая мимо призыва, он дотронулся до каждой красной буквы, словно получая дополнительный импульс для действия. Каждое прикосновение он сопровождал протяжным «Там», начиная с уровня ноты «до» и поднимаясь вверх по октаве. Десятым был восклицательный знак, по которому Геннадий трижды хлопнул и громко закончил свою гамму победоносным «Та-да-ам!»

«Музыкальное сопровождение» не осталось незамеченным, и внизу лестницы показался тот же охранник, уже с рацией в руках. Сам он благоразумно остался внизу, зато к финишу эскалатора устремились трое его коллег со второго этажа. Они держали подозрительного типа взглядом, что-то говорили в рацию и – после отбивки шумом – слушали ответ.

– Я знаю отрыв, я вижу ориентир, – на мотив песни Веры Брежневой, которую он слышал десятки раз (*а ту, которую пела девчонка на набережной, больше не услышит никогда*) выдал Геннадий, резко дернув плащ в сторону. Разношенные петли снова легко поддались, обнажив нутро. На ремне вдоль худого тела висел автомат, ожидающий *второй очереди*. – Я верю только в это, – продолжил петь Геннадий, – *позитив* спасёт мир.

Он сошёл с эскалатора, шагнул вперёд и, захохотав, начал стрелять по двум чёрно-белым, которые подошли слишком близко. Ещё минуту назад на их лицах читалась уверенность хозяев положения. Но за доли секунд сменили удивление, а потом обречённость.

Они навсегда застыли с этой обречённостью, как те дети рядом с призывом отрываться. На белоснежных рубашках стремительно росли красные пятна. Убитые не успели упасть на блестящий пол, как торговый центр наполнился визгом.

Краем глаза Геннадий видел лихорадочные движения, напоминающее блики на новогодней мишуре. Люди на секунды закрывали свет, проникающий через космический атриум, устремляясь в разные стороны, ища надёжное убежище в этом стеклянном гробу.

Из магазинов выглядывали продавцы, пытаясь определить источник опасности. Одни сбегали, другие пытались закрыть прозрачные двери, словно это могло помочь.

Геннадию это напомнило иностранные фильмы, где герои трясушимися руками запирали цепочки, но ребята помощнее одной левой вышибали хилые двери. Сейчас было то же самое. Там – наивные люди, он – источник силы. Они – бьющиеся в истерику, он – получающий позитив. Когда-то ему было плохо, а другим хорошо. Сейчас полисы поменялись.

Геннадий развернулся к сквозному через этажи кругу, вызвав новую волну криков. Он искал глазами охранников. Одну белую рубашку он засёк за рекламной конструкцией и начал стрелять. Фигура наклонилась, получив пулю, как и несколько других, которых он зацепил на горизонте. Геннадий повторно прошёлся очередью, увеличивая размах.

Паника достигала своего пика. Уровень децибел был способен снести все стекляшки внутри. Ему это так нравилось, что по мокрой коже приятно пробежали мурашки возбуждения. Он медленно шёл вперёд, наслаждаясь моментом. Повторял автоматные очереди, перезаряжался и снова жал на курок.

Он направлялся в сторону фудкорта, где граждане набивали животы в то время, когда он грыз безвкусную засохшую корку хлеба. Часть столиков была перевернута столешницей к нему. Еда, разбросанная по полу, продолжала излучать запахи, от которых желудок предательски заурчал.

Геннадий дал новую очередь, оставляя дыры в белых кругах и квадратах, затем резко обернулся, не отпуская курок, на случай, если какой-нибудь герой крадётсЯ сзади. Он действительно попал в мужика в джинсовом костюме, у которого был пистолет в руках. Скорее всего тот случайно оказался на месте бойни и решил взять ситуацию в свои руки. И это была последняя его идея. Раненный, он рухнул на заляпанный едой пол.

Стрелок продолжил путь к стойкам кафе, которые сейчас пустовали. На одной из них стоял бумажный пакет. Улыбнувшись, он подошёл к стойке и забрал чей-то заказ навынос, брошенный в панике. Внутри свёртка лежал горячий фастфуд. Свою добычу он поднял на уровень носа, вдохнул аромат, прикрыв глаза от удовольствия.

Затем пнул один из продырявленных столиков, которых преграждал путь к балкону в форме круга. Дошёл до стеклянного ограждения и посмотрел вниз. У фонтана никто не сидел. Даже целующаяся парочка сумела оторваться друг от друга.

У вращающегося круга выхода образовалось столпотворение. Механизм не мог одновременно «проглотить» всех людей. Целиком он их не видел: верхнюю часть тела закрывал полукруг пола напротив. Но и с частичной картинкой было понятно, что там шла борьба за место, за спасение, за жизнь.

Чтобы прекратить эту бесполезную суету, он снова нажал на курок. Визг и крики стали подтверждением, что он попал.

– В десяточку! – сам себя похвалил Геннадий и в очередной раз обнажил жёлтые зубы в шахматном порядке.

Не торопясь, он направился обратно, периодически стреляя по стеклянным стенам магазинов, хотя за ними никого не видел. Где-то далеко продолжали кричать люди, где-то ближе стонать от боли. Геннадий сморщился. Он ничего не имел против этих людей, и даже готов был посочувствовать, но такова судьба – они оказались *не в то время, не в том месте. Сами виноваты.*

Он вспомнил «Жёлтые ботинки», которые насвистывал по пути в торговый центр, и продолжил позитивную мелодию. Мягко переступая кедами, Геннадий любовался результатами своей работы: разбитые стёкла, неловко лежащие тела в бордовых пятнах на полу, разбросанные вещи. И это только за несколько минут!

Насвистывая и периодически стреляя, он пошёл к эскалатору. С противоположной части коридора слышались приглушённые шаги. Геннадий направил дуло в ту сторону, готовый в любой момент выстрелить.

Через пару секунд показался пацан лет десяти. Стрелок посмотрел на юнца – такой же босота, каким он был сам. Старая футболка мала, застиранные штаны наоборот, большие. Если бы не тряпичный ремень, они спали бы до щиколоток. Вероятно, их начинал носить старший брат или другой родственник.

Пацан скорее всего случайно попал в торгово-развлекательный центр. Может, пришёл посмотреть, как тут кипит жизнь. Денег, чтобы присоединиться к процессу, явно нет, а за просмотр платить не надо.

Мальчишка затормозил на гладкой поверхности пола заношенными сандалиями и встал, как вкопанный. С лица отхлынула кровь. Взгляд, как у затравленного кролика, был устремлён на Геннадия. Тот тоже побледнел: всё-таки как пацан напоминал его – в детстве. Какой выбор ему дать? Мучиться дальше или прекратить всё сейчас? Влажный палец коснулся к курку, но рука с автоматом начала опускаться.

– Живи, – сквозь зубы сказал он, скорчившись как от боли, представив, сколько мальчишке предстоит перенести.

Ребёнок растерялся, не понимая, что ему делать.

– Вали, говорю, отсюда! – рявкнул Геннадий.

Пацан вздрогнул и рванул со всех ног. Стрелок слышал удаляющиеся за углом шаги, удар и дребезжание стекла. От страха спасённый не рассчитал траекторию и не вписался в витрину, открытую дверь или рекламные конструкции, расставленные по всему зданию. Мальчишка вскрикнул, тихонько простонал и продолжил бежать.

Дурачок. Решил, что спасён.

Геннадий дошёл до эскалатора и встал на верхнюю ступеньку, которая понесла его вниз. Увидев лозунг «Отрывайся!», он подмигнул ему, как хорошему знакомому, и расхохотался.

На первом этаже он свернул к гипермаркету. По пути он увидел распахнутый магазин мужской одежды. Аккуратные ряды пиджаков, рубашек, верхней одежды остались без присмотра. Геннадий остановился, смотря на представленный ассортимент, задумчиво качая головой.

– Ну если вы настаиваете, – довольно улыбнулся он и зашёл внутрь.

Он взял плечики с голубой рубашкой, лёгким белым кардиганом, предполагая, что угадал с размером. Прихватил белую кепку, дымчатый шейный шарф, очки и здоровый фирменный пакет. С приобретением – шопинг удался, дорогая! – он продолжил путь в гипермаркет.

Теперь он не стрелял, чтобы не выдать своё месторасположение. Хотя скрываться не собирался. Он спокойно прошёл мимо пустых касс, насвистывая «Жёлтые ботинки», мимо набитых продуктами рядов на «галёрку», где должна находиться служебная зона. По пути закинул в пакет с одеждой пару банок консервов и булку чёрного хлеба.

Вокруг всё словно вымерло. Если здесь и остались люди, они хорошо спрятались, на время забыв, как двигаться и дышать.

Служебная зона находилась прямо по курсу, как он и предполагал. За распахнутыми дверями никого не было.

– Как после апокалипсиса, – довольно усмехнулся Геннадий.

Он заглянул в несколько дверей. Выбрал складское помещение и закрыл замок: кто-то из работников оставил ключ изнутри в замочной скважине.

В помещении было множество коробок, за которым стоял складывающийся стульчик. Положив обновки на стопку чистой тары, он с удовольствием сел, откинул голову и сделал несколько глубоких вдохов. Плащ с футболкой были мокрыми от пота, но тело, получившее адреналин, продолжало вырабатывать новые порции.

Он встал, стянул плащ, бросив его рядом. Снял автомат и аккуратно положил рядом. Взял один из пакетов с фастфудом и вернулся на стул. Наклонившись, он раскрыл свернутый край и, почувствовав вырвавшийся аромат, проревел, как животное в экстазе.

Каждый компонент чьего-то заказа был аккуратно завернут в специальную бумагу. Геннадий выбрал среднего размера круг и, вытащив его, снова закрыл пакет. Ему, привыкшему

к голоду, и этого хватит. Не хватало только заворот кишок получить в такой ответственный момент.

Он аккуратно распечатал упаковку. Внутри оказался гамбургер, в прослойке которого виднелись котлета, кружок помидора, лист салата. Геннадий жадно впился в него зубами, вкусовыми рецепторами пытаясь запечатлеть каждый слой. На вкус гамбургер оказался также хорош, как на запах. Он медленно жевал, пытаясь вспомнить, когда он в последний раз ел действительно что-то вкусное. Когда ещё Нина была с ним? Когда ещё оставались деньги после работы? Он не помнил.

Желудок, привыкший к пустоте, быстро набивался, создавая неприятную пробку в пищеводе. Геннадий встал, отложил свой обед и прошёлся по помещению в поисках воды. Ему повезло. У стены оказалось несколько упаковок с газировкой. Вытащив пластиковую бутылку с колой, он вернулся к стульчику.

Газировка была тёплая. Почувствовав открывающийся выход, она коричневатой пеной рванула вверх. Геннадий успел убрать бутылку с колен, чтобы не облиться. Дождавшись, когда излишки оказались на полу, поднёс её к губам и жадно прильнул к горлышку.

– У-у-ух, хорошо-то как, – снова зарычал он и смачно рыгнул.

Он вспомнил, как впервые попробовал настоящую колу. Отец принёс две стеклянные бутылочки. Они стояли в холодильнике, дожидаясь праздника. Благо, что родители были готовы устроить пьянку по любому поводу, без великих торжеств. Так что шипучка дождалась своего часа в ближайшую пятницу.

Геннадию налили стакан газировки. Он смотрел, как за стеклом устремляются вверх пузырьки. Затем маленькими глоточками, стараясь запомнить этот вкус, стал пить.

Память действительно навсегда зафиксировала тот сладкий вкус. Только напоминал он не о впервые попробованной импортной газировке, а о детстве – запуганном, несчастном, полном обиды и боли. И сейчас, в складском помещении, Геннадий снова почувствовал ту горечь. От досады он бросил бутылку на пол, и остатки, шипя, стали выливаться наружу.

Он закрыл глаза и вздохнул, вспомнив маленького мальчика, который оставался одиноким при живых родителях и полный комплект в группах и классах. С ним не хотели дружить, играть. Его хотели обижать. Ребёнком он не понимал этой несправедливости: почему одни остаются в центре внимания, а других травят, как изгоев? И слёзы снова вернулись на глаза, как десятки лет назад.

От горьких воспоминаний его отвлекла борьба в животе. Пищевод, неожиданно получив такое количество еды, начал бороться с каждым кусочком. Геннадий погладил впадину под рёбрами, пытаясь успокоить урчание. Остаток бургера он выбросил в коричневую лужу на полу, в которой полопались все пузырьки.

За дверью послышалась суeta – тихие голоса, лёгкие шаги. Кто-то опустил ручку, стараясь делать это неслышно. Затем второй раз, более уверенно. Ещё несколько раз – уже настойчиво. После чего ручку оставили в покое, а шаги с голосами удалились.

– Пора выбираться, – едва слышно сказал Геннадий.

Он поднялся, словно старик, опираясь на подлокотники. Под таким натиском стул готов был разломаться, но всё же смог устоять. Геннадий его откинул, чтобы не мешал.

Он снял мокрую насквозь футболку, вытер ею торс, постоял, ожидая, когда кожа высохнет. Достал прихваченные обновки. Взглянул на ценники, прежде чем оборвать их, и присвистнул: в своём ли уме люди, если покупают вещи за такие деньги? Если всё суммировать, то он в месяц получал меньше, чем эти никчёмные тряпки.

Геннадий надел рубашку, которая оказалась в пору, кардиган. На шею намотал шарф. Он их сроду не носил, но решил, что для маскировки это самое то. Кепку натянул до бровей,

очки – сверху, чтобы оправа оказалась на козырьке. В новом обличье он почувствовал себя настоящим денди, и разве это не позитивно?

Свои вещи он аккуратно сложил в фирменный пакет, уложив автомат по диагонали. Он ещё раз оглянулся, проверяя: всё ли забрал. Об отпечатках пальцев, оставленном ДНК и прочей чепухе он не беспокоился. Заметать следы Геннадий не собирался, наоборот – ждал, чтобы все узнали о нём, о его существовании. Может, на генетическом уровне смогут объяснить, почему его жизнь стала такой.

Забрав пакет с фастфудом, он направился к двери. Приложил ухо, удостоверился, что в служебном коридоре царил тишина, и осторожно открыл дверь.

Звёзды были благосклонны: в коридоре действительно было пусто. Слева, со стороны торгового зала, слышались шаги и редкие тихие реплики. Его искали – но не там.

Он повернул вправо, решив, что выход скорее всего в той стороне. Мягкие подошвы беззвучно переступали по плитке пола. Геннадий шёл мимо служебных помещений и улыбался. Перед глазами мелькали, словно слайды диафильма, пережитые воспоминания: скорченные тела в лужах крови, разбитые стёкла, продырявленные столики. Страх, царивший в воздухе. Ему хотелось еще больше позитива, однако времени было в обрез. Надо было успевать до приезда силовиков.

Ему снова пришла мысль, что в любой момент может всё оборваться. Может, он делает последние шаги и скоро окажется под прицелом. Казалось, он думал об этом сто лет назад, хотя всего-то – сегодняшним утром. В душе всё же хотелось продлить удовольствие, ведь Бог любит троицу, и ему необходимо завершить начатое.

Плана, как будет выбираться, у Геннадия не было. Одна надежда на фарт. Он задумался: что есть удача? Попадание в благоприятное стечение обстоятельств или равнодушие ко всему, из-за чего любой исход будет удачным? Раздумья его прервал женский взвизг:

– Это – ты?!

Геннадий вздрогнул от неожиданности и почувствовал, как кровь отхлынула от лица подобно пловчихе, оттолкнувшейся ногами от бортика и поплывшую в центр бассейна. На мгновения он потерял контроль, однако быстро собрался, стараясь вернуть беззаботный вид. Затем повернулся и заглянул в открытую дверь, ведущую в крохотный кабинет с тусклым освещением с потолка и ярким от настольной лампы, нависшей над письменным столом. Стены закрывали многочисленные шкафы, набитые папками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.